

СЫН БОЛЬШОГО ДОМА

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ Р. КОЧАРА

Рачия Кочар—это целый мир, оригинальный, отмеченный талантом прежде всего понимать, чувствовать свой народ, свою землю, обостренной сыновней любовью любить человека, творящего жизнь, красоту и счастливого этим своим деянием. Как в своей публицистике, в очерках, статьях, дневниках во весь рост встает он и со страниц своих романов, повестей, новелл и, запомнившаяся кочаровская, по-детски искренняя улыбка—сочувствия, понимания, сопереживания — освещает путь его героев к самоутверждению, обновлению, счастью, как, по мысли Кочара, свет творчества настоящего писателя должен освещать человеческие души.

Удивительно тесными поистине нерасторжимыми нитями связанный с судьбами своего народа, его историей, настоящим, будущим, Кочар-писатель редко остается беспристрастным фиксатором событий и почти всегда как бы их соучастником, страстным очевидцем, взволнованным свидетелем, какими были древние летописцы его народа. Он так и пишет об этом в одном из рассказов: «То, о чем я хочу рассказать, кажется мне, случилось много веков назад, и я, как очевидец, будто тоже иду из глубин веков».

Как писатель лирического склада, раскрывая судьбу своего народа в эмоционально насыщенном переживании, как романтик окрашивая повествование мечтой, высокой эмоциональностью чувств, Кочар одновременно добивается масштабного эпического звучания своей прозы. Этот кочаровский лиро-эпизм с оправданными выходами в романтически возвышенную публицистику — неповторимое явление советской армянской литературы, заставляющее вспомнить традиции Туманяна, Бакунца, Ст. Зорьяна.

Если тематическую творчество Кочара можно разделить на две условные группы—о войне и о мире, то проблемно оно едино своей гуманистической устремленностью, насыщенностью раздумьями о Родине, народе, человеке. Ракурс этих проблем диктуется своеобразием художественной индивидуальности писателя, тяготеющего к исследованию, философскому осмыслению жизни своего современника в неразрывной связи с историей его народа, духовными, нравственными истоками его созидательной энергии, патриотизма, жизнестойкости. Поэтому герой Кочара, какой бы неповторимой индивидуальностью он ни был наделен — всегда частичка народа, человечества, он мыслит, чувствует в рамках своей судьбы и одновременно судьбы своего народа. В умении наделить героев исторической памятью, нравственной памятью-совестью, ощущением своей значимости в цепи преемственности поколений ярко выявляется эпический талант Кочара. Родство человека Кочара социальной и этнической памяти народа стимулирует развитие самосознания его героев, их жизнедеятельную нравственную энергию. Эпическое звучание этих тем-идей художественно поддерживается широким обращением писателя к легендам, сказаниям, сбереженным народной памятью. Они органично вписываются в художественную ткань, например, таких рассказов, как «Любовь Косара», «Братья», углубляя эпизм характеров и событий, придавая им живописную яркость, изобразительную силу и символическую насыщенность.

Тема войны, вернее, тема героизма советского человека на войне, оказалась удивительно близкой, созвучной гражданской и эстетической энергии Кочара. Будь он сейчас с нами, он обращался бы к ней снова и снова, чтобы как в гор-

нили заново выверять в этом страшно для человечества испытании нравственные ценности, открывать моральные человеческие резервы, исследовать истоки человеческого подвига.

Роман «Дети большого дома», принесший Кочару заслуженную известность и признание, был написан почти сразу же по следам фронтовых событий. Но это отсутствие временной дистанции не помешало писателю создать не просто фронтовую летопись героических лет, а масштабное художественное полотно, где многочисленные судьбы отдельных людей не мозаично обособлены друг от друга, но образуют по замыслу Кочара органичный монолог народной судьбы в годы тяжелейших испытаний на прочность. Задавшись целью написать только правду о войне, все тяготы которой писатель испытал на своих плечах, Кочар свято исполнил свой долг советского писателя и солдата, но исполнил его как армянский писатель. И здесь дело не в том, что многие герои романа—дети «армянской части большого дома», а в выразившихся в книге в полной мере особенностях мировоззрения и мировосприятия армянского художника.

«Чувство семьи единой», дружного большого дома, которое пронизывает повествование о войне, замечательно точно выразил боевой друг писателя, ставший в романе прототипом Бурденко. Вот как пишет об этом Кочар в своей статье «Как я написал «Дети большого дома»: «Стоявший рядом со мной солдат украинец из Чернигова, как и я, не мигая смотрел на запад. Горела его родная земля. Я попытался сказать ему несколько утешительных слов. «Нам всем тяжело, — ответил он, — вы больше не увидите на моих глазах слез, они запеклись в моем сердце. Знаю, что такое же чувство жжет и ваши души. В разных местах мы родились, браток, но все мы дети одного дома». Вскрывая истоки интернационализма советских людей, Кочар, верный своему писательскому назначению, исследует испытание нравственных принципов человека на прочность в этой великой войне. Рисуя фронтовые будни во всей их жестокости, писатель раскрывает героизм и гуманистическую сущность битвы народов за жизнь и торжество коммунистических идеалов. Обречен на гибель фашизм, а с ним и человеконенавистнические теории, исповедуемые измеченниками Родины Ухабовым и Сархосевым, — обречены логикой истории, своим отступничеством от высокого человеческого предназначения, от Родины.

В близкой ему манере контрастного противопоставления Кочар проводит через весь роман знаменательную альтернативу жизни-смерти, утверждая торжество жизни. Тяжело на войне, здесь даже «журчание воды» непреодолимо, как смерть», гибнут друзья, с которыми сроднились в боях, — Борис Юрченко, Ираклий Микаберидзе, Ваня Краснов, Седа, но в разрушенном Сталинграде, в землянке рождает женщина, гремят салюты «в честь новой жизни», «в честь прихода

на землю нового человека», «Ивчук, Хачикян, Гамидов, Мусраилов, Тоноян стоят на коленях и целуют украинскую землю», которую ценой жизни освободили от фашизма.

Сквозной для творчества Кочара мотив Родины художественно персонифицируется в образе матери, который возникает и на страницах романа о войне, и в повестях и новеллах писателя словно образ самой жизни и бессмертия народа. Казалось бы, ничем неприметная, исхудавшая старая женщина, мать полководца Ватутина своей безаветной любовью к сыну, ко всем детям-солдатам вырастает в символ материнства, неиссякаемый источник верности и надежды: «Мать беззвучно разговаривала с высеченным в камне образом сына, с живой душой его. Прошло десять лет. А мне все чудится, — пишет автор, — что до сих пор у памятника сыну-герою стоит вечный образ матери».

Мотив бедственной исторической судьбы армян, их борьбы за жизнь, за человеческое достоинство, за землю свою и язык, скорбная тема скитальчества, сломленных человеческих судеб с нарастающей силой звучит в новеллах Кочара («История одной жизни», «Времена», «Сестра генерала»), найдя свое наиболее сильное воплощение, полнозвучное художественное выражение в знаменитом «Нагапете». Это, разумеется, не просто волнующая история одной жизни. Образ Нагапета, при самых драматичных обстоятельствах потерпевшего семью, почти сломленного жесточайшими жизненными испытаниями, выпавшими на его долю, — это образ армянского народа, который не смирился, нашел в себе силы выжить, поднять голову, украсить землю своим трудом. Герой выжил потому, что понял главную истину: нельзя жить одному, подобно «сгоревшей головешке», нельзя бросить невозделанную землю, нельзя не оставить после себя доброй памяти людям. Каким емким становится слово Кочара-художника, точными и звонкими краски, исполненными задушевного лиризма образы, — поистине талант Кочара, как прекрасный сад его Нагапета, обрел в этом рассказе зрелую прелесть расцвета. Устами Нагапета писатель снова размышляет о судьбах своего народа: «Армянский народ выносил, крепко, как камень, как море неистекаем... Это народ справедливый, с чистым сердцем, трудолюбивый и праведный, он любит жизнь и не любит смерть, такой народ даже если смерть примет—воскреснет, и даже если останется от него горстка, все равно выживет, и один станет сотней, а сотня — тысячей».

Этому народу посвятил Рачия Кочар свою жизнь и талант, в его животворных источниках черпая свои творческие силы, мечтая от книги к книге все чеканней и ярче воссоздавать его бессмертный образ. Все, что у него было, он, подобно своему герою, «оставил людям на земле».

Елена АЛЕКСАНИ.